
ГЛОБАЛЬНАЯ ПЕРСОНА

АЛЕКСАНДР БОГДАНОВ. НА ПУТИ ОБЪЕДИНЯЮЩЕГО МИРОВИДЕНИЯ

В. В. Попков

Об Александре Александровиче Богданове (1873–1928) знают что-то и помнят очень немногие. Это закономерно, но несправедливо. Закономерно, потому что память всегда проигрывает времени. Несправедливо, потому что на личность и идеи Богданова, попавшие в жернова политической борьбы начала XX в., на долгие десятилетия лег камень забвения. Богданов был вице-лидером партии большевиков, но еще до октябрьского переворота 1917 г. лишился всех партийных постов. Эмпириомонизм – оригинальная и глубокая философская концепция Богданова, идеи которой намного опередили свое время – был не понят как соратниками по партии, принявшими на веру предвзятую критику Ленина, так и учеными, которых отпугивала неакадемичность изложения и аргументы из различных отраслей знания: биологии, психологии, физики, термодинамики, лингвистики – всего того, что сегодня называется междисциплинарными исследованиями. «Тектология: Всеобщая организационная наука»¹ – произведение наиболее оригинальное, наиболее зрелое, ставившее своей целью разбить схоластическую замкнутость специальных наук, связать отдельные частные методы единством универсальной методологии познания, – также натолкнулось на сопротивление со стороны ученых, проникнутых привычной психологией научной специализации. Крупный специалист в области *экономической науки* – автор популярных учебников по экономике и капитального «Курса политической экономии», обосновавший методы народнохозяйственного планирования на основе теории динамического экономического равновесия и межотраслевого баланса, – вынужден был замолчать в годы начала насильственных преобразований в экономике. Недолгое время работы Богданова в Пролеткульте снискало ему недобрую славу хулителя культурного наследия прошлого. На него обрушился шквал тенденциозной критики, а осенью 1923 г. последовал арест. Хотя вскоре Богданова по личному распоряжению Дзержинского выпустили, политически он был скомпрометирован и многие от него отвернулись. С 1918 по 1923 г. Богданов был инициатором создания Социалистической Академии, членом президиума которой оставался до своей смерти. После выхода Богданова из организации Пролеткульта областью его интересов и деятельности вновь стали естественные науки и медицина. В 1926 г. он организо-

---

¹ Богданов, А. А. Тектология: Всеобщая организационная наука. – М.: Финансы, 2003. (Bogdanov, A. A. Tectology: Universal organizational science. – Moscow: Finance, 2003).

вал первый в Советском Союзе Институт переливания крови, где проводил рискованные опыты на себе. Двенадцатый эксперимент закончился трагически – тяжелой болезнью почек и смертью, которая последовала 7 апреля 1928 г. Богданов был похоронен на Новодевичьем кладбище.

Масштаб этой личности хорошо осознавали его именитые современники: Ленин, Сталин, Бухарин, Горький, Луначарский, Базаров и другие. Бухарин в своей речи, посвященной памяти Богданова, так охарактеризовал его личность: «Богданов с одинаковой свободой парил на высотах философской абстракции и давал конкретные формулировки теории кризисов. Естественные науки, математика, общественные науки имели в нем настоящего знатока, и он мог выдерживать бои во всех этих областях, как “свой человек” в любой из этих сфер человеческого знания. От теории шаровидной молнии и анализа крови до попыток широчайших обобщений “Тектологии” – таков радиус познавательных интересов Богданова. Экономист, социолог, биолог, математик, философ, врач, революционер, наконец, автор прекрасной “Красной Звезды” – это во всех отношениях совершенно исключительная фигура, выдвинутая историей нашей общественной мысли. Ошибки Богданова вряд ли когда-нибудь воскреснут. Но история, несомненно, отсеет и отберет то ценное, что было у Богданова...» Но историю делают и пишут люди, и не вина Богданова в том, что и после его смерти всеобъемлющая критика его взглядов становится для властей СССР чем-то вроде *idée fixe*. Вместе с уже ставшей традиционной критикой мыслителя в русле опровержения Богданова Лениным в работе «Материализм и эмпириокритицизм» набирает темпы и другое направление – историография борьбы коммунистической партии с «богдановщиной». Но теперь продолжающееся преследование идей Богданова имело в виду уже иные фигуры, оказавшиеся в поле зрения Сталина как потенциально опасные для проведения его курса укрепления личной власти и построения социализма в отдельно взятой стране. Сталин 27 декабря 1929 г. на Всесоюзной конференции аграрников-марксистов в докладе «К вопросам аграрной политики в СССР» указывал: «Не подходит также к делу трактовка Базарова и Громана² баланса народного хозяйства. Схему баланса народного хозяйства СССР должны выработать революционные марксисты, если они вообще хотят заниматься разработкой вопросов экономики переходного периода». Летом 1930 г. ОГПУ провело аресты крупных специалистов центральных хозяйственных ведомств. Среди них были: профессор Н. Д. Кондратьев – создатель знаменитой теории длинных волн конъюнктуры, руководитель Института Конъюнктуры Наркомата финансов; профессора Н. П. Макаров и А. В. Чайнов – видные теоретики и практики кооперативного движения, занимавшие также высокие должности в Наркомате земледелия РСФСР; профессор Л. Н. Юровский, член коллегии Наркомата финансов; опытные ученые-экономисты В. Г. Громан и В. А. Базаров, работавшие в Госплане и ЦСУ СССР. Все они хорошо знали Богданова, ценили и использовали его идеи. Все они были репрессированы, как и Н. Бухарин, который за протест против «сверхиндустриализации» и «размычки» между промышленным городом и крестьянской де-

² В. Г. Громан и В. А. Базаров в 1920-е гг. – известные ученые-экономисты. В 1926 г. предложили метод планирования и оценки государственной экономики, основанный на «тектологических» принципах, которые были признаны «антимарксистскими». (V. G. Groman and V. A. Bazarov in the 1920s were the famous academic economists. In 1926 they offered the method of planning and an assessment of the state economy based on ‘tectological’ principles which were recognized as ‘anti-Marxist’).

ревней поплатился руководящими постами (а позднее и жизнью) по обвинению, в частности, в том, что он «правый уклонист» и «не диалектик, а богдановец». В зловещем 1937 г. выходит монография Щеглова – фундаментальное исследование философии и социологии Богданова и борьбы с ними Ленина и Сталина³. Богдановские философские и социологические концепции объявляются источником всяческих зол: как меньшевистских течений (богостроительства, бойкотизма, отзовизма), так и буржуазных экономических реставраторских теорий (Кондратьев, Чаянов), контрреволюционного троцкизма и правой оппозиции (Бухарин, Рыков). Большая советская энциклопедия закрепляла в сознании советских людей штампованные вердикты: «...богдановский “закон трудовых затрат” был использован врагом народа Бухариным для “обоснования” капитулянтской “теории равновесия секторов” в советской экономике, сохранения в народном хозяйстве СССР старых пропорций, бывших при капитализме, что являлось идеологическим прикрытием контрреволюционной деятельности правотроцкистских реставраторов капитализма»⁴.

В чем же причина столь яростной критики идей Богданова, почему его имя так упорно связывалось с враждебными марксизму воззрениями в политике, экономике, социологии, культуре, психологии? Как могли идеи одного человека распространиться на столь различные отрасли человеческой деятельности? Ответ на эти вопросы надо искать в мировоззрении Богданова. Уже в 25 лет (в 1898 г.) он создает свою первую философскую работу – «Основные элементы исторического взгляда на природу. Природа. Жизнь. Психика. Общество»⁵. В начале XX в. Богданов, неутомимый искатель и блестящий эрудит, не мог не быть захвачен атмосферой «одного из самых романтических периодов в развитии человеческого знания... когда даже химические элементы перестали казаться неизменными, а материки неподвижными», когда выяснилось, «что взрывы, полные игры, таят томсоновые вихри, и что огромные миры в атомных силах не утихли», когда открылись удивительные и тревожные перспективы радиоактивности, набрала силу физическая химия, разгорелся горячий спор о каналах на Марсе и прозвучали вещи слова Циолковского об «исследовании мировых пространств реактивными приборами». Оказавшись в этом пространстве идей «всеобщей динамизации и торжества эволюционного принципа», Богданов ставит перед собой задачу: найти познавательные формы, «бесконечно широкие и прочные, но и бесконечно пластичные, чтобы охватить все разнообразие беспредельно прогрессирующей жизни»⁶. В 1906 г. завершается издание его центральной работы – «Эмпириомонизм. Статьи по философии», содержащей оригинальную концепцию «организационной философии»⁷. Богданов к этому времени – признанный специалист по новейшей

³ Щеглов, А. Борьба Ленина с богдановской ревизией марксизма. – М., 1937. (Scheglov, A. Lenin's fight against Bogdanov audit of Marxism. – Moscow, 1937).

⁴ БСЭ. – 2-е изд. – 1950. – Т. 5. – С. 343–344. (The Great Soviet Encyclopedia. – 2nd ed. – 1950. – Vol. 5. – Pp. 343–344).

⁵ Богданов, А. А. Основные элементы исторического взгляда на природу. – СПб., 1899. (Bogdanov, A. A. Basic elements of historical view on nature. – Saint Petersburg, 1899).

⁶ Гловели, Г. Г., Фигуровская, Н. К. Трагедия коллективиста / А. А. Богданов // Вопросы социализма: Работы разных лет. – М., 1990. (Bogdanov, A. A. Empiriomonizm. Book 3. – Moscow: S. Dorovatovsky and A. Charushnikov's Edition, 1906).

⁷ Богданов, А. А. Эмпириомонизм. Кн. III. – М.: Изд-е С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1906. (Bogdanov, A. A. Empiriomonizm. – Book 3. – Pp. 3–4).

философии естествознания: русские издания книг Э. Маха «Анализ ощущений и отношение физического к психическому» (1907) и М. Ферворна «Вопрос о границах познания» (1909) выходят с его предисловиями. Тогда же он читает в Женеве цикл лекций «Картина мира».

«Познать свое познание, объяснить свое мировоззрение <...> на почве социально-генетического исследования» – вот как обрисовал свою задачу автор «Эмпириомонизма». И далее: «Было очевидно, что основные понятия старого материализма – и “материя”, и “неизменные законы” – выработаны в ходе социального развития человечества, и для них, как “идеологических форм”, надо было найти “материальный базис”. Но так как “материальный базис” имеет свойство изменяться с развитием общества, то становится ясным, что всякие данные идеологические формы могут иметь лишь исторически-преходящее, но не объективно – надисторическое значение, могут быть “истиной времени” (объективной истиной, но только в пределах известной эпохи), – а ни в коем случае не “истиной на вечные времена” (“объективной” в абсолютном значении слова)»⁸. Одного этого было бы достаточно, чтобы объявить автора «Эмпириомонизма» в ревизии марксистской теории. В противоположность материализму Плеханова – Ленина «эмпириомонизм» не признает трансцендентной границы между миром как он существует сам по себе и нашим познанием мира. Бытие «в себе» и бытие «для нас» в своих основных элементах и их простейших сочетаниях тождественны; мы воспринимаем реальные, действительные свойства вещей, а не их отражения, не их более или менее искаженные копии. Автор «Эмпириомонизма» не видит необходимости допускать, что показания наших чувств дают нам искаженные или, как выражается Плеханов, «иероглифические» отображения реальных свойств вещей; и сама идея нумерического удвоения мира, распадаения его на «внешние» реальности и их отражения «в нас» представляется Богданову внутренне несостоятельной, противоречивой. В действительности мы видим, осязаем и вообще воспринимаем свойства «вещей» не «в нас», а вне нас, вне нашего тела, в тех самых пунктах пространства, где должны находиться и сами воспринимаемые вещи. Локализация ощущений «в нас» – не данные опыта, а теория, и притом теория, по мнению Богданова, неудачная. Объективные реальности, или по крайней мере их простейшие составные части, их «элементы» существуют «в себе» совершенно так же, как мы их воспринимаем, – причем в одном сочетании, в одной связи комплексы этих элементов образуют физическое тело, а в другой связи – явления нашего сознания. Плеханов, философский авторитет которого в те времена был очень высоким в глазах подавляющего большинства русских революционных марксистов, сразу же отметил принципиальные расхождения между своим пониманием учения Маркса и той интерпретацией, которую дал историческому материализму А. Богданов. А так как Богданов с большой настойчивостью продолжал развивать в печати свою концепцию марксизма, Плеханов вступил с ним в полемику, принимавшую все более и более резкие формы. «Неортодоксальность» Богданова также вызывала у Ленина «известную досаду», однако в то время еще не мешала их единству в проведении отчетливой революционной позиции в политике. Богданов был в гуще революционных событий 1905 г.: представитель ЦК партии в Исполкоме Петербургского Совета рабочих депутатов, руководитель (вместе с Л. Красиным) большевистской

⁸ Богданов, А. А. Эмпириомонизм. – Кн. III. – С. 3–4. (Bogdanov, A. A. Empiriomonizm. – Book 3. – Pp. 3–4).

военно-технической группы, автор многих прокламаций и «летучих листков» ЦК РСДРП. После разгрома Первой русской революции Богданов, как и другие видные революционеры, эмигрировал за границу и продолжал некоторое, весьма непродолжительное, время работать вместе с Лениным. Но вскоре их пути навсегда разошлись. И причиной этого стали не просто идейные разногласия о дальнейших путях развития марксизма и перспектив революции. Пока шли революционные бои, соратникам было не до идейных разногласий, но в горстке профессиональных революционеров, оказавшихся в изгнании после поражения революции, быстро выяснилось, что у двух интеллектуальных лидеров РСДРП – Ленина и Богданова – были совершенно разные воззрения по поводу социализма. У ученого и революционера Богданова русло идейной эволюции пролегалo между наукой и социализмом, в то время как для революционера и политика до мозга костей Ленина главными были власть и социализм. Богданов нащупал отдельные нити к «организационному подходу», сложившемуся впоследствии в стройную систему тектологии, обобщившей интегративные тенденции в естественно-научном и социальном познании к 1910 г. В основе тектологии лежит понятие организации. Элементами организации могут быть всевозможные «активности-сопротивления», начиная с таких сложнейших процессов, как психофизиологические усилия сознательно и планомерно трудящихся людей, и кончая элементарными квантами физической энергии в световых вибрациях. Включение в состав комплекса психических составляющих – а по существу духа, мысли – полностью противоречило марксистской теории, в которой между материей и духом пролегалo бездонная пропасть и последнему дозволяется лишь отражать материю. Ленин, будучи официальным лидером партии, не мог допустить подрыва основ ортодоксальной марксистской теории. В мае 1909 г. в издательстве «Зерно» выходит первый и последний философский труд Вл. Ильина (псевдоним Ленина в то время) «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии», где он со всей своей политической страстью и неумолимой логикой схоластика-правоведа обрушивается на всех представителей монистического эмпирического знания, имея в виду главной целью Богданова и сочувствующих ему Горького, Луначарского, Базарова, Скворцова-Степанова и других. Богданов с его научной щепетильностью и максимализмом личности не мог не ответить на яростную критику Ленина. И этот ответ был дан в ярком философском памфлете Богданова «Вера и наука (о книге В. Ильина “Материализм и эмпириокритицизм”»)⁹. На многих примерах Богданов показывает, что за внешним фасадом якобы глубочайшей учености Ленина на самом деле скрывается невежество или намеренное искажение научных фактов; вместо научной критики используется навешивание ярлыков на оппонентов как философских реакционеров и вместо провозглашенной цели борьбы со старым просматривается самая злая ненависть ко всем различным новшествам. Особое впечатление производит замечание Богданова, сделанное в одной из сносок: «Особенно недопустимой представляется ссылка на десяток различных рефератов Богданова, ссылку, которую не может точно проверить никто из тех, кто не слышал самих рефератов. Дело в том, что ни на одном из них он (Ильин) не был; не был даже на том, на который был специально приглашен, – на полемическом реферате по поводу разбираемой книги В.

⁹ Богданов, А. А. Вера и наука // Вопросы философии. – 1991. – № 12 (работа Богданова опубликована в журнале в сокращенном варианте. – В. II.). (Bogdanov, A. A. Belief and science // Questions of Philosophy. – 1991. – No. 12 (Bogdanov's work is published in the journal in the abridged version. – V. P.).

Ильина»¹⁰. Всякий, кто прочитает «Веру и науку», поймет, что Ленин никогда бы не согласился сойтись в публичной полемике с Богдановым по поводу «Материализма и эмпириокритицизма», так как он прекрасно понимал, что ему не выстоять против уничтожающей критики Богданова. А этого себе будущий вождь мирового пролетариата позволить не мог. «Вера и наука» Богданова не дошла до сознания широких коммунистических масс (впрочем, эту работу и сейчас мало кто знает), а «Материализм и эмпириокритицизм» на долгие годы вошел в анналы философской мысли ленинизма и стал катехизисом философской мысли большевиков. Ученый Богданов, как это часто бывает, проиграл политику Ленину. Вскоре последовали оргвыводы: на «объединительном» пленуме ЦК РСДРП (январь 1910 г.) Богданов был выведен из ЦК партии. В 1911 г. Богданов отошел от революционного движения и целиком посвятил себя философским и общественно-теоретическим

трудам. В 1913 г. он возвратился в Россию. С началом Первой мировой войны его призвали в армию, где он служил полковым врачом во время трагического похода генерала Самсонова. В этом походе он был представлен к награде за храбрость, за то, что под огнем переправил колонну раненых в безопасное место. После Октября 1917 г. и вплоть до 1922 г. Богданов посвящал себя дальнейшему развитию своего главного научного труда – второму тому «Тектологии». Он последовательно придерживался своих прежних взглядов и стал широко известен из-за своего критического отношения к событиям послереволюционной России. В докладах в Социалистической Академии в начале 20-х гг., обосновывающих развитие от буржуазной философии к социалистической организационной науке, Богданов продолжал критику статического понятия «материи» у Плеханова и Ленина¹¹ и был твердо убежден в том, что пролетариат на Западе, как и в России, не имеет достаточно высокой сознательности, чтобы выполнять роль субъекта революции¹². Богданов трезво квалифицировал военный коммунизм как недемократический по своей организационной структуре и уравнивающий нищету, что не имеет ничего общего с социализмом¹³.

Хотя некоторые из работ Богданова еще при его жизни были переведены на немецкий и английский языки и изданы за рубежом¹⁴, настоящее признание как политик и ученый Богданов получил только спустя десятилетия. В СССР «оттепель» 1960-х гг. открыла возможности для советских авторов пересмотреть отношение к тектологии и ее оценке как первой фундаментальной разработке общенаучного круга проблем организации, управления и развития сложных системных объектов. Начало положил М. Сетров¹⁵, отметивший, в частности, что Богданов в

¹⁰ Он же. Вера и наука (о книге В. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм»). – М.: Изд-е С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1910. – С. 221. (Idem. Belief and science (about V. Ilyin's book 'Materialism and empiriocriticism'). – Moscow: S. Dorovatovsky and A. Charushnikov's Edition, 1910. – P. 221).

¹¹ От философии к организационной науке. 1922 г. // Неизвестный Богданов / ред. Г. А. Бордюгов. – М.: ИЦ «АИРО–XX», 1995. – Кн. 1. – С. 110–119. (From philosophy to organizational science. 1922 // Unknown Bogdanov / ed. by G. A. Borydygov. – Moscow: ITs 'AIRO-XX', 1995. – Book 1. – Pp. 110–119).

¹² Доклад «Мировая война и революция». Апрель 1921 г. // Неизвестный Богданов. – Кн. 1. – С. 92–107. (The report 'World War and revolution'. April, 1921 // Unknown Bogdanov. – Book 1. – Pp. 92–107).

¹³ Новейшие прообразы коллективистического строя. 1918 г. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. – С. 81–92. (The newest prototypes of the collective system. 1918 // Unknown Bogdanov. Book 1. – Pp. 81–92).

¹⁴ Bogdanov, A. Allgemeine Organisationslehre. Tektologie. Bd. I. – Berlin, 1926. – S. 77; Bogdanov, A. Filozofija zivogo opyta. – Peterburg, 1913. – S. 198 ff, bzw hier Dok. 35, Brief an D. I. Oparin.

¹⁵ Сетров, М. И. Принцип системности и его основные понятия // Проблемы теории и методологии системного исследования. – М.: Мысль, 1970. (Setrov, M. I. Principle of systematicity and its basic concepts //

понятии «бирегулятора» не только фактически сформулировал принцип обратной связи, но и иллюстрировал его теми же примерами, что и один из основателей кибернетики У. Эшби. Предвосхищение Богдановым «общей теории систем» отмечали специалисты ВНИИ системных исследований И. Блауберг, В. Садовский и Э. Юдин¹⁶. В 1972 г. академик А. Тахтаджян в обширной статье¹⁷ изложил основные идеи тектологии, сравнил ее с общей теорией систем Л. фон Берталанфи (в пользу А. А. Богданова) и обогатил новыми категориями, установленными биологической систематикой, теорией эволюции и кибернетикой. Между тектологией и общей теорией систем Берталанфи так много общего, что невольно возникает мысль о прямом влиянии Богданова, тем более что немецкий перевод двух томов «Всеобщей организационной науки» был издан в Берлине в 1926 г. и, по словам академика А. Л. Тахтаджяна, Берталанфи был с ней знаком¹⁸. В середине 1960-х гг. на Западе также началась интенсивная полемика по поводу работ Богданова среди историков, которая в основном концентрировалась на разногласиях между Богдановым и Лениным в области философии и партийной политики¹⁹. Культурная революция в Китае с ее Коммунистическими претензиями, осознанно направленными против Советского Союза, обратила взоры западных исследователей, прежде всего левых, к ситуации в СССР. Интерес к вопросу, насколько очевидные недостатки советского общественного строя могут быть объяснены специфическими условиями Октябрьской революции или же они развились вследствие ошибочных действий политического руководства, стимулировал интенсивное изучение истории русской революции, сталкивающихся в ней классовых противоречий. Особое внимание уделялось анализу общих экономических условий и правомерности конкретных политических шагов правящей партии. В этом контексте рассматривались и политические решения в области культурной политики, дополнительно исследовалось отношение Ленина и коммунистической партии к Пролеткульту и позициям Богданова относительно политики в области культуры. Позднее, в 80-е гг., Богданов получил признание за свои заслуги в развитии общей теории систем. Его основной труд «Тектология» оценивался Ю. А. Урманцевым как шаг к созданию кибернетики²⁰. На Западе наибольший энтузиазм в отношении к «Тектологии» проявил переводчик ее сжатого варианта на английский язык – «Essays in Tektology» – профессор Дж. Горелик²¹. В предисловии к этому изданию и в ряде статей Горелик в сопоставлении с кибернетикой и ОТС показал значение концепции Богданова как

Problems of theory and methodology of system research. – Moscow: Mysl', 1970).

¹⁶ Блауберг, И. В., Садовский, В. Н., Юдин, Э. Г. Системный подход: предпосылки, проблемы, трудности. – М., 1969. (Blauberg, I. V., Sadovsky, V. N., Yudin, E. G. Systemic approach: prerequisites, problems, difficulties. – Moscow, 1969).

¹⁷ Тахтаджян, А. Л. Тектология: история и проблемы // Системные исследования. Ежегодник, 1971. – М.: Наука, 1972. (Takhtadzhyan, A. L. Tectology: history and problems // System Research. A yearbook, 1971. – Moscow: Nauka, 1972).

¹⁸ Тахтаджян, А. Л. Слово о тектологии // Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.bogdinst.ru/HTML/Bogdanov/Tektology/AboutTektology.htm> (Takhtadzhyan, A. L. The word about tectology // Internet resource. Accessed: <http://www.bogdinst.ru/HTML/Bogdanov/Tektology/AboutTektology.htm>).

¹⁹ Горцка, Г. Предисловие // Неизвестный Богданов. – Кн. 1. – С. 3–8. (Gorzka G. Preface // Unknown Bogdanov. – Book 1. – Pp. 3–8).

²⁰ Урманцев, Ю. А. Тектология и общая теория систем // Вопросы философии. – 1995. – № 8. (Urmantsev, Yu. A. Tectology and universal theory of systems // Questions of Philosophy. – 1995. – No. 8).

²¹ Bogdanov, A. Essays in Tektology // The General Science of Organization / transl. by G. Gorelik. – Seaside, California: Intersystems Publications, 1980.

исторически первого развернутого и наиболее широкого варианта общей теории систем²². Известный системолог М. Зелены (США), занимаясь изучением «потерянных парадигм» системного анализа, посвятил в «Международном журнале по системным обобщениям» статьи о кибернетике Б. Трентовского, концепции «осмотического роста» С. Ледюка и «Тектологии». Тектологическую картину дополнительных соотношений между биосферой и другими оболочками Земли М. Зелены расценил как предвосхищение формулировки «гипотезы Гея» Дж. Лавлока, завоевавшей популярность в последней четверти XX в.²³ В 1998 г. событием стало издание в Великобритании двухтомника²⁴, посвященного обзору работ А. Богданова как основоположника системных исследований в России, и комментарии к его обширной библиографии на русском и иностранном языках²⁵. Данное издание было осуществлено на основе двух международных конференций, в которых приняли участие иностранные и российские специалисты, занимающиеся в тех или иных аспектах разработкой идей Богданова. В СССР в 1989 г. после 60-летнего перерыва переиздается «Тектология» (в двух томах, под редакцией академика Л. И. Абалкина)²⁶, а в 2003 г. к 130-летию со дня рождения Богданова выходит новое, дополненное ранее неизвестными произведениями издание «Тектологии»²⁷. В том же году через более чем девяносто лет после выхода в свет первых книг «Эмпириомонизма» было издано современное издание под редакцией и со вступительной статьей В. Садовского. В 1999 г. Российским философским обществом и рядом ученых из Москвы и Екатеринбурга был учрежден Международный институт Александра Богданова²⁸. В 2003 г. институтами философии и экономики РАН при участии МИАБ была проведена Международная научная конференция, посвященная 130-летию со дня рождения А. Богданова, изданы труды²⁹.

Концепция Богданова развивалась, с одной стороны, как определенная дифференциация философии, а с другой стороны, как интеграция специальных наук. Богданов интегрировал в свои тектологические обобщения агрономический «закон минимума» Либиха, закон подвижного равновесия Ле-Шателье, принцип относительности Маха, энергетизм Оствальда, биологический закон подбора, психологические законы Вебера – Фехнера и «послойного разрушения» Рибо, социологическое разграничение статики и динамики, а также экономическую категорию кризисов. К этому списку следует добавить законы И. Ньютона, принципы интеграции и дифференциации Г. Спенсера, его же идеи подвижного равновесия и

²² Gorelik, G. Bogdanov's Tektologiya, General Systems Theory and Cybernetics // Cybernetics and Systems. An International Journal. – 1987. – № 18.

²³ Zeleny, M. Tektologiya // International Journal of General Systems. – 1988. – Vol. 14.

²⁴ Alexander Bogdanov and Origins of Systems Thinking in Russia / Ed. by J. Biggart, P. Dadley, F. King. – Aldershot: Ashgate Publishing Limited, 1998.

²⁵ Biggart, J., Glovely, G., Yassour, A. Bogdanov and his Work. – Aldershot: Ashgate Publishing, 1998.

²⁶ Богданов, А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука: в 2 т. – М.: Экономика, 1989. (Bogdanov, A. A. Tectology. Universal organizational science: in 2 vols. – Moscow: Economy, 1989).

²⁷ Он же. Тектология. Всеобщая организационная наука. – М.: Финансы, 2003. (Idem. Tectology: General organizational science. – Moscow: Finance, 2003).

²⁸ АНО «Международный институт Александра Богданова» (МИАБ) // Интернет-ресурс. Режим доступа: www.bogdinst.ru (Autonomous Non-Commercial Organization 'International Institute of Alexander Bogdanov' (IIAB) // Internet resource. Accessed: www.bogdinst.ru).

²⁹ Материалы Международной научной конференции «Организационная динамика человеческой деятельности: экономика, философия, культура». 29.06.2003 / под ред. В. В. Ванчугова. – М.: ООО «Формула цвета», 2003. (Materials of the International Scientific Conference 'Organizational dynamics of human activity: economy, philosophy, culture'. June 29, 2003 / ed. by V. V. Vanchugov. – Moscow: 'Formula tsveta', 2003).

наименьшего сопротивления, принцип непрерывности А. Пуанкаре, учение об аналогиях М. Петровича. Энциклопедичность и огромную эрудицию Богданова отмечали многие его современники. В частности, об этом свидетельствуют и записные книжки Богданова, в которых зафиксирована «проработка огромного массива научной литературы»³⁰. Еще во время работы над «Тектологией» Богданов пришел к убеждению, от которого он не отказался до конца жизни: всеобщую организационную теорию можно построить *только как науку, а не как философскую концепцию*. Более того, он сформулировал утверждение о *конце философии*, зачеркнув тем самым свой огромный труд по созданию эмпириомонизма. В статье «От философии к организационной науке»³¹ Богданов утверждает, что «эмпириомонизм – организационная философия – есть только этап на пути к организационной науке», и как только основы этой науки получили четкие очертания, «с этого времени философия как таковая потеряла для меня реальный интерес: она – временное и несовершенное объединение опыта, которое должно уступить место высшему научному его единству»³². Философию можно определить как бесконечный поток вопросов. Именно так ее практиковал Сократ. Великие философы прошлого, непрерывно задавая вопросы, пришли к попытке думать о целом как о целом. Если наука заключается в решении вопросов, которые можно решить с помощью консенсуса (координации социально-организованного опыта в терминологии Богданова), а не путем постановки новых вопросов, то философия – это действительно не наука, а ее стимулятор. Линия раздела, однако, нечеткая. Основной прогресс в науке часто, даже, может быть, всегда, зависит от успешной постановки вопроса, который не возникал раньше; основной научный прогресс, следовательно, является отпрыском науки и философии. Научное развитие в любом обществе зависит, по мнению Вейцзеккера³³, от продвижения структурных наук, в которых метод абстрагирования от индивидуальных случаев – требование универсальных законов – достиг наиболее развитой формы. Физик может использовать ту же математику, что биолог или экономист. Науки сегодня структурируются вдоль математических линий, и наиболее быстрые и эффективные изменения происходят именно в структурных науках. Среди структурных наук следует выделить не только чистую и прикладную математику, но также такие науки, как системный анализ, информационная теория, кибернетика и теория игр. Эти дисциплины составляют так называемую математику событий, развертывающихся во времени: события, планируемые и контролируемые человеком; события, управляемые структурами, которые действуют как будто по плану; другие события, подчиняющиеся законам вероятности. То есть эти науки составляют структурные теории изменений, происходящих со временем. Их наиболее важным инструментом является компьютер, а компьютерная теория сама относится к структурным наукам. Наш взгляд, создание «Тектологии» является первой и неординарной попыткой

³⁰ Гловели, Г. Д. Тектология: генеалогия и историография / А. А. Богданов // Тектология: Всеобщая организационная наука. – М.: Финансы, 2003. – С. 5. (Gloveli, G. D. Tectology: genealogy and historiography / A. A. Bogdanov // Tectology: Universal organizational science. – Moscow: Finance, 2003. – P. 5).

³¹ Богданов, А. А. От философии к организационной науке // Вопросы философии. – 2003. – № 1. (Bogdanov, A. A. From philosophy to organizational science // Questions of Philosophy. – 2003. – No. 1).

³² Он же. Тектология: Всеобщая организационная наука. – С. 117. (Idem. Tectology: Universal organizational science. – P. 117).

³³ Weizsäcker, C. F. von. The Unity of Nature. – N. Y.: Farrar Straus Giroux, 1980.

представить философскую концепцию в качестве структурной науки. Но как компьютер не может заменить творческое мышление человека, генерировать все новые вопросы и искать на них ответы, так и тектология не может заменить *особые функции философии*, в частности связанные с необходимостью построения обобщенного, монистического взгляда на мир, человека и его познание. Известно, что структурные науки особенно подвержены критике и проверке временем. Новый уровень знания, который возникает благодаря им, дает нам возможность планировать будущие события. Но научная истина всегда приходит с сопутствующими ей невидимыми заблуждениями. И структурные науки могут склонить нас к опасной иллюзии, что реальность – это структура, которой можно управлять и которую можно контролировать. Но чтобы четко представлять себе нашу ситуацию, мы должны научиться следить одним глазом за теоретическими структурами науки, а другим – за реальностью, окружающей нас. Идеи мыслителя Богданова как раз отличаются тем необыкновенным свойством, что даже там, где в контексте своего исторического времени они казались заблуждением, подвергались резкой критике, впоследствии они оказывались соответствующими реальности. Например, в эмпириомонизме чисто философской его частью, не поддающейся практической проверке, является учение о «непосредственных комплексах» и их связи с нашим опытом – субъективным, или «индивидуально организованным» (психика) – или опытом объективным, или социально организованным (социальная практика). В завершенном синтезе «социально организованного опыта», по мнению Богданова, теряет свой смысл и само противопоставление физического и психического. Опыт, организованный индивидуально, входит в систему опыта, организованного социально, как его нераздельная часть и перестает составлять особый мир для познания. Взаимодействие между различными психиками, общение между людьми осуществляется, по Богданову, посредством «всеобщей подстановки», то есть посредством подстановки психических комплексов, известных нам из личного опыта, под те физические изменения, которые мы непосредственно наблюдаем у других людей. Отрицая, таким образом, непосредственное восприятие данным индивидуальным сознанием переживаний других сознательных существ, эмпириомонизм, тем не менее, не вырывает между отдельными сознаниями той пропасти, какая постулируется идеалистической философией со времен монадологии Лейбница. По Богданову, познание чужой психики является хотя и опосредствованным, но вместе с тем совершенно реальным взаимодействием и тем точнее воспроизводит свой объект, чем ближе по своей организации воспринимающая психика к воспринимаемой. При полном тождестве организации имело бы место вполне адекватное познание чужих переживаний. В споре со своими противниками Богданов не мог апеллировать к действительности и вынужден был ограничиться чисто логической аргументацией, – он доказывал, что его монистический реализм есть наиболее простая и познавательльно целесообразная из всех мыслимых материалистических концепций. Эти воззрения Богданова всегда подвергались критике, и только с появлением в 80-х гг. прошлого века работ чилийских нейрофизиологов У. Матураны и Ф. Варелы³⁴, которые иногда называют «нейрофизиологическим

³⁴ Матурана, У., Варела, Ф. Древо познания: биологические корни человеческого понимания / пер. с англ. Ю. А. Данилова. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. (Maturana, H., Varela, F. The tree of knowledge: the

вариантом эволюционной эпистемологии», становится ясным, как далеко смотрел мыслитель Богданов. Их позиция, подтвержденная нейрофизиологическими экспериментами, заключается в понимании жизни и познания как двух сторон одного и того же процесса. Живые системы – это когнитивные системы, а жизнь как процесс представляет собой процесс познания. Это утверждение действительно для всех организмов, как располагающих нервной системой, так и не располагающих ею. Нервная система не обрабатывает информацию из внешнего мира, но, наоборот, *творит некий мир* в процессе познания. Познание есть не отображение независимого, предопределенного мира, но сотворение нового мира. Конкретным организмом в процессе его жизнедеятельности создается не мир *вообще*, а некий *конкретный* мир, всегда обусловленный структурой организма. Способы, которые мы используем для структурного сопряжения с окружающей средой, и, следовательно, мир, который мы творим, зависят от нашей собственной структуры. *Общение*, согласно Матуране, – это не процесс передачи информации, а координация поведения живых организмов посредством их взаимного структурного сопряжения. Общение, в сущности, есть координация поведения. «Тот мир, который каждый из нас видит, – пишут Матурана и Варела, – не есть *определенный* мир, но *некий* мир, который мы создаем вместе с другими». То, что Богданов понимал это еще в 1925 г., подтверждается его словами: «Неустраимо то, что человек смотрит со своей точки зрения, оперирует своими методами. Но в каком смысле все это “свое” для него? Сам он принадлежит коллективу – классу, социальной группе, либо нескольким таким коллективам, жизнь которых в разной мере и степени дала содержание его практической деятельности и его мышлению. Личность не более чем маленький центр приложения социальных сил, один из бесчисленных пунктов их перекреста. Ее точка зрения и способ понимания принадлежит ей в том только смысле, что в ней находят свое воплощение и выражение; было бы правильнее сказать, что личность принадлежит им, а не наоборот. И они могут быть объективны»³⁵.

Избрав в тектологии организационную точку зрения в качестве структурной координатной сети, Богданов поместил наблюдателя в центр динамического процесса взаимодействия и ввел в научный оборот целую палитру двойственных понятий: активность – сопротивление, ассимиляция – дезассимиляция, конъюгация – дизъюнкция, ингрессия – дезингрессия и другие. Заслуга Богданова состоит в том, что у него данные понятия являются не логическими антиномиями, а рабочими инструментами, позволяющими растягивать вербальную односторонность языка (следовательно, и мышления) для работы в системе не двузначной логики, где существуют отдельно только «активности» или только «сопротивления», а в системе логики с переменным центром (двоцентриа), где есть единое понятие: «активность – сопротивление»³⁶. На многих примерах с использованием исторического и логического анализов он убедительно показывает, что и на атомном уровне, и в

---

biological roots of human understanding / transl. from English by Yu. A. Danilov. – Moscow: Progress-Tradition, 2001).

³⁵ Воспоминания о детстве. 28 апреля 1925 г. // Неизвестный Богданов. – С. 23–32. (Memories of childhood. On April 28, 1925 // Unknown Bogdanov. – Pp. 23–32).

³⁶ Попков, В. В. Тектология и двойственность (послесловие) / А. А. Богданов // Тектология: Всеобщая организационная наука. – С. 662–681. (Popkov, V. V. Tectology and duality (epilogue) / A. A. Bogdanov // Tectology: Universal organizational science. – Pp. 662–681).

галактическом пространстве, а также в таинственном мире человеческой психики и мышления действуют одни и те же организационные законы соединения – разединения внутри единого целого, поддержания этого целого в динамическом равновесии с остальным миром и перемещения его по циклической траектории развития. Известно, что самопроизвольное разупорядочение – один из фундаментальных законов физики. Первоначально он был сформулирован для теории тепловых машин как второй закон термодинамики. Мерой разупорядочения является энтропия. Энтропия любого самопроизвольно протекающего процесса возрастает, то есть в любом месте пространства, которое оставлено без ухода, нарастает беспорядок. Но может ли так же самопроизвольно нарастать порядок? Может, если он тесно сцеплен, сопряжен с нарастанием беспорядка. Однако отдельные эпизоды упорядочения не объясняют эволюцию. Для того, чтобы упорядочение было неизбежным, эти реакции должны носить линейный и стационарный характер. Такие выводы основаны на теории неравновесной термодинамики, разработанной Ильей Пригожиным³⁷. В настоящее время концепция упорядочения, возникающего наряду с разупорядочением, стала парадигмой современного естествознания и отчасти философии, но в начале прошлого века идея Богданова о динамическом характере взаимодействия двойственных друг другу процессов организации и дезорганизации как источнике и механизме движения материи была поистине революционной. Можно было бы продолжить список удивительных прозрений Богданова, надолго опередивших свое время (идеи об эквивалентности массы и энергии, о двойственной природе электрона, об ограничениях специальной теории относительности и многом другом), но укажем еще только на роман-утопию *Красная звезда* (1908). Он явился не только крупной вехой в истории утопического жанра, но также и поворотным пунктом в истории идей. Роман изобилует научными прогнозами, поражающими своей глубиной. Производственная технология будущего описывается Богдановым с удивительной предусмотрительностью. В своем романе он отмечает такие черты научно-технической революции марсиан, как использование атомной энергии, специализация производства, создание материалов с заранее определенными свойствами, кибернетика, завоевание космоса, продление жизни и управление органическими процессами.

Мировоззрение Богданова, его организаторская и научная деятельность неразрывно связаны с бурной и трагической историей России конца XIX и начала XX в. Но именно на этом фоне глубочайших социальных взрывов, разрыва человеческих связей и упадка моральных ценностей приобретает огромную ценность попытка Богданова создать системное, целостное видение человеческого общества, природы и разума. Можно соглашаться или нет с теми решениями, которые предлагал Богданов, но в одном нет сомнения: им был сделан решающий вывод о том, что эпоха переломов всегда ставит ясную дилемму – преодоление анархии социальных сил или распад цивилизации. Сейчас, в начале XXI в., среди многих просвещенных людей, политиков, ученых, философов утвердилось понимание того, что одна из крупнейших эпох человечества, основанная на достижениях научной ре-

---

³⁷ Пригожин, И., Стенгерс, И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / пер. с англ.; общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтович, Ю. В. Сачкова. – М.: Прогресс, 1986. (Prigozhin, I., Stengers, I. Order out of chaos: Man's new dialogue with nature / transl. from English; ed. by V. I. Arshinova, Yu. L. Klimontovich, Yu. V. Sachkova. – Moscow: Progress, 1986).

волюции в естествознании XVI–XVII вв., завершается. Индустриальная эпоха началась с парового двигателя и закончилась с появлением атомных реакторов. Расцвет ее прошел под знаком моторов и электричества, но, уничтожив в двигателях внутреннего сгорания, турбинах, доменных печах и ТЭЦ горы угля, океаны нефти и газа³⁸, она поставила человечество на грань экологической катастрофы, а с созданием атомного оружия – перед угрозой омирания. В бурном XX в. мир вступил в переходный период, который продолжается до сих пор. Ньютоновский механицизм, лапласовский детерминизм и основанные на них теории общественного устройства уступают дорогу совершенно новым междисциплинарным теориям и принципам: синергетике, информатике, системотехнике, самоорганизации и саморазвитию, нелинейным и стохастическим эффектам. Дальнейшее движение общества все в большей мере будет связано с совершенно новыми понятиями, законами, опирающимися на знания, интеллектуальные технологии, экологически чистые производства, необходимость учета и согласования интересов различных государств и все более дифференцирующихся национальных, конфессиональных и социальных групп. Актуальна проблема разработки новых высоких гуманитарных технологий на основе интеграции гуманитарных и естественно-научных областей знаний. Эти технологии должны быть в первую очередь ориентированы на задачи, связанные с разрешением моральных и этических коллизий, раздирающих современное общество. Эти коллизии, как правило, столь сложны, что разобраться в их существе, опираясь на элементарную общечеловеческую моральную интуицию, практически невозможно. Необходимы другие механизмы регулирования совместного проживания, основанные на кооперативном начале, а не на индивидуализме, позволяющие обеспечивать взаимопонимание и доверие субъектов, динамичные переходы от конфликтов к управляемой конфронтации и кооперации. На наш взгляд, методологической основой для разработки новых концепций развития человеческого общества может выступить тектологический подход А. Богданова. Так, с позиций тектологического подхода общество стремится от менее организованного состояния к более организованному через механизмы положительного и отрицательного подбора. Но у любой человеческой деятельности есть две стороны: вещная (ресурсная, объектная) и проблемная (мотивационная, субъектная). Эти две ипостаси человеческой деятельности находятся в постоянном взаимодействии и циклическом колебании (динамическом равновесии). Положительный подбор смещает равновесие к проблемам и усложняет структуру системы, способствует ее саморазвитию, но уменьшает ее устойчивость. Отрицательный подбор, наоборот, упрощает строение, изменяя его в сторону однородности, и в результате увеличивает структурную устойчивость, переводит ее в состояние упрощения, снижая ее возможности для развития. Системная дезорганизация начинается из состояния, в котором проблемно-мотивационные реальности напрямую связаны с ресурсными, – субъектам управления, функционирующим в мотивационной сфере, приходится использовать свое имя, свой моральный авторитет в деле распределения ресурсов под некие «плановые задания». Они тем самым превращаются в

³⁸ Мировое использование энергии в 1992 г. в тераваттах в год (тераватт = 10^{12} вт): нефть – 4,5; уголь – 3,0; природный газ – 2,5; гидроэнергия – 0,8; ядерная энергия – 0,7 (см.: Капица, С. П. Общая теория роста человечества. – М.: Наука, 1999. – С. 127). (The world use of energy in 1992 in terawatts a year (terawatt = 10^{12} W): oil – 4,5; coal – 3,0; natural gas – 2,5; hydraulic power – 0,8; nuclear energy – 0,7 (see: Kapitza, S. P. General theory of world population growth. – Moscow: Nauka, 1999. – P. 127).

начальников, «отцов родных», являющих собой олицетворенное противоречие «жрец-хозяин». С одной стороны, они являются участниками целеполагания, формирования социального заказа и проводниками соответствующих целевых установок. С другой стороны, они должны обеспечить эти заказы ресурсами и не допустить частный, теневой оборот последних. Это стадия авторитаризма, в социологии ей соответствует известный феномен «власть-собственность»³⁹. Не раз на протяжении этого пути под давлением угрожающих обстоятельств общество вновь и вновь восстанавливало авторитарное устройство, активизируя характерные для него мобилизационные механизмы, то есть механизмы неэквивалентного (прямого) вмешательства в распределение ресурсов с позиций целеполагания, или в процессы целеполагания с позиций ресурсных ограничений. Это исходно неустойчивое состояние – оно неизбежно разлагается, подтачиваемое неудержимо разрастающимся теневым оборотом ресурсов и ростом числа «жрецов – собственников» все меньшего масштаба, которые все более активно оспаривают у верховного начальства их монополию на ресурсы. С другой стороны, и в мотивационной сфере идут сопряженные процессы демобилизации («либерализации»). Вожди, освобождающиеся от ресурсно-распределительной функции, теряют монополю командных позиций, становятся политиками, сосредоточиваются на своей собственной целеориентирующей роли, втягиваются в конкуренцию проектов и программ, и лишь победившие в этой конкуренции проекты, то есть те, в которых удалось сконцентрировать действительно существенные потребности сограждан, именно поэтому оказываются способны оттянуть на себя необходимые ресурсы. Таков в принципе нормальный режим доступа к ресурсам в зрелом обществе. Однако становление и развитие реальных социальных систем не знает золотой середины, не знает одновременного параллельного развития своих полярных сущностей. Это развитие идет попеременно, как говорят математики, «методом ортогональных направлений»: когда одна сфера развивает экспансию, другая тормозит и страхует. Картина усложняется еще и тем, что разложение исходного авторитарного образования идет одновременно с поиском и формированием институциональной структуры каждой из сфер в обстановке напряженной борьбы. Как будут развиваться события – на этот вопрос способна ответить только практика (и, кажется, она на него уже отвечает). Но если придерживаться предлагаемой здесь теоретической схемы, то это движение может разрешиться форсированной и полномасштабной экспансией проблемной сферы в качестве базисной. Это означает не только радикальное расширение рынка услуг, но и освоение альтернативной формулы предпринимательства, где рабочее время будет заполняться не трудом, а *служением*, а главной целью деловой жизни (бизнеса) станет расширение доступа к значимым проблемам общества, к значимому социальному заказу. Ресурсная сфера на этой фазе может быть организована более или менее авторитарно, хотя при этом предполагается возможно более быстрый запуск механизмов частного хозяйственного доступа к ресурсам, но лишь в той мере, в какой отношения собственности не будут подавлять мотивационную сферу, которая должна оставаться базисной. Формула динамического баланса такова: реформирование базисной сферы, демобилизация, освобождение, развертывание ее горизонтальных структур

³⁹ Васильев, Л. С. Проблема генезиса китайского государства. – М.: Наука, 1983. – С. 40. (Vasilyev, L. S. Problem of genesis of the Chinese state. – Moscow: Nauka, 1983. – P. 40)

должны идти опережающими темпами по сравнению с реформированием противоположной сферы, продолжающей выполнять притормаживающую функцию. Поддержание такого баланса может обеспечить органический поступательный ход процесса преобразования России. Не вещи, а проблемы, не товары, а услуги, не собственность, а долг, не обмен, а договор, не права, а обязанности по служению Отечеству – вот что должно лежать в основе объединяющего миропонимания для властей и граждан России.